

ОЛЬГА ГРИБАНОВА

НЕВЕДОМЫЙ
ПУТЬ

Ольга Владимировна Грибанова
Неведомый путь
Серия «Международный
фестиваль Бориса и Глеба»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44782227

Неведомый путь: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019

ISBN 978-5-00153-119-7

Аннотация

Герой этой мистической повести заново рождается в незнакомом ему мире – и похожем на земной, и непохожем. В этом мире, наполненном странными существами из сказок, он, Человек, пока одинок. Зачем он родился здесь? Кто поможет ему разобраться, по каким законам здесь следует жить? По какому неведомому пути ему предстоит пройти? И куда приведет его этот путь...

В сборник вошли еще два рассказа: «Миг рождения», «Красное яблоко», и драматическая миниатюра «Муки графомана».

Содержание

Молитва Благоверным князьям Борису и Глебу	5
Предисловие от руководителя проекта	6
Миг рождения	8
Красное яблоко	16
Муки графомана	20
Неведомый путь	24
1	24
2	29
3	35
4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ольга Грибанова

Неведомый путь

© Ольга Грибанова, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Молитва Благоверным князьям Борису и Глебу

О двоице священная, братия прекрасная, доблии страстотерпцы Борисе и Глебе, от юности Христу верою, чистотою и любовью послужившии, и кровью своими, яко багряницею, украсившиися, и ныне со Христом царствующие! Не забудите и нас, сущих на земли, но, яко тепли заступницы, вашим сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных во святей вере и чистоте неврежденными от всякаго прилога неверия и нечистоты, оградите всех нас от всякия скорби, озлоблений и напрасныя смерти, укротите всякую вражду и злобу, действием диявола воздвигаемую от ближних и чуждых. Молим вас, христолюбивии страстотерпцы, испросите у Великодаровитаго Владыки всем нам оставление прегрешений наших, единомыслие и здравие, избавление от нашествия иноплемennых, междоусобныя брани, язвы и глада. Снабдевайте своим заступлением страну нашу и всех, чтущих святую память вашу, во веки веков. Аминь.

Предисловие от руководителя проекта

Когда читаешь современную прозу, редко доводится одновременно наслаждаться и глубоким смыслом произведения, и великолепным стилем изложения. «Неведомый путь» – та самая редкость, дочитав которую сожалеешь, что всё, конец. А хотелось бы читать еще и еще...

Избрав для героя необычное, фантастическое место рождения, автор, собственно, описывает нашу, земную, человеческую жизнь. Но как описывает! Привычное и, казалось бы, абсолютно понятное вдруг становится необычным, предстает в совершенно ином свете под удивительным взглядом автора. Знакомые со школьной скамьи притчи, поговорки словно оживают перед глазами и раскрывают читателю новый, потаенный смысл. С каждой строкой задумываешься всё больше и больше, потихоньку начиная примерять путь героя на себя, сравнивать, вспоминать, находить свои ошибки.

Авторский язык, прекрасный, точный, грамотный, отсылает читателя к давно прочитанной и подзабытой классике – до ностальгии, до мурашек по коже. Красивейшие описания природы, сочные определения, сравнения, метафоры – улада для глаз и души.

Книга долго не отпускает, держит под впечатлением, от которого и нет желания избавляться. Хочется смотреть через призму этого замечательного произведения на себя, на близких, на мир, излучая добро, как его излучает, буквально выливая на читателя, сам автор.

Если после осознания глубочайшего смысла этой повести мы все станем хоть капельку добрее и понятливее, значит, автор безусловно достиг важной цели!

Елена Наливина, составитель серии «Международный фестиваль Бориса и Глеба», Интернациональный Союз писателей

Миг рождения

Тьма. Безмолвие. Холод. Так ли?

Как описать мир, что был до начала мира?

Тьма? Но кто же вглядывался в неё?

Безмолвие? Но кто же вслушивался в его мёртвый поток?

Холод? Но кто пытался в нём согреться?

И долго ли спал он мёртвым сном, невидимый, неслышимый, неосязаемый?

Вечность? Или один ничтожный миг перед началом всех начал?

Свершилось! Вот оно! Пронзая, комкая, воспламеняя мёртвое безмолвие, полетело над миром Слово и вмиг заполонило собою:

– Люблю!

– Люблю!

– О, прекрасна ты, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные...

– О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! И ложе у нас зелень...

Может, был то шёпот, но он был подобен крику. Может, был то крик, но кому было услышать его?!

Но услышало! Возникло из пустоты, задышало, забилося и услышало:

– Люблю тебя!...

– Люблю, люблю!..

Растёт крохотная звёздочка, растёт, набирает силу и ловит, впитывает великое Слово!

Больше не пуст и не одинок мир. Стал он светлым и тёплым – ибо есть в нём Светило!

Стал он добр и уютен – ибо есть в нём Свет и Тепло!

Наполнился он благозвучием – ибо есть в нём Слово!

Вечность прошла или миг единый, кто знает, но взрастило Слово из крохотной звёздочки новое Слово.

И проснулось оно для жизни.

Сон... сон... сон...

Нужно ли просыпаться, если в мире есть только сон... Он всегда был и всегда будет... Сон-н-н-н...

Холод!.. Откуда этот холод, и мрак, и страх?.. Помогите!..

Прежнюю тишину разрывают раскаты грома!..

– Голубушка! В чём дело? Вы что это здесь напоролы?! Кто у меня такую работу примет?!

– Ой!.. Извините, сейчас переделаю!.. Простите, плохо себя...

– Деточка! У нас не богадельня, а серьёзный проект! Не можете работать – вон у дверей очередь, все на ваше место хотят!

Страх! Тоска! Гибну! Всё гибнет вокруг! Почему?.. Откуда эта беда?..

– Ну что же, всё благополучно. Регистрирую беременность: шесть недель, беременность первая...

– Первая!..

Расступились тяжкие тучи, просияло Светило.

Где они, эти тучи? Ушли давно.

Давно, давно всё это было... Было ли? Но ведь что-то пробудило от безмятежного сна. Пробудило и ушло.

Покой... покой...покой... тепло... мир...

Мир – это покой и тепло... Покой – это тепло и мир... В этом мире – Я. Что это – Я?

– Ну-у... правда? Это я, значит, буду папой? А ты будешь мама!.. Мама!..

Как сияет оно, как ласкает! Каким светом омыло меня моё чудное Светило... Теперь я знаю, как назвать его – МАМА!

Я нежусь и расту, расту, расту в его лучах.

Я уже такой большой и сильный. Я стал другой. Во мне откликнулась та же музыка, что и вокруг меня.

Звучит она неумолчно: туммм-тутумммм! туммм-тутум-ммм!

А во мне всё подпевает: тимммм-титимммм! тимммм-титимммм!!!

Я всё твёрже! Я всё жёстче! Я уже сам двигаюсь, когда хочу. Сунься сюда тёмная туча – не испугаюсь!

Да я её просто на кусочки раздеру и проглочу! Могу! Только ещё не знаю как!

– М-м-м...

– Что с тобой? Тебе плохо? Сядь!

– Ничего... ничего...

Ох и давно всё это было! Какой я был тогда маленький и смешной! Теперь, с вершины прожитых веков, оглядываюсь назад – маленький комочек живой плоти. Даже головы толком не было!

А теперь есть! Теперь я мудр и знаю этот мир, как свой хвост. Он у меня очень красивый! Я им шевелю, когда двигаюсь. И с боков у меня что-то выросло, так приятно копошится. Это я плаваю.

И вижу удивительные картины. То я плоский ромбик, отливаю серебром в лучах моей Мамы. То я весь круглый, всеми красками переливаюсь! А хвост-то у меня – хорош! И глаза есть: я вижу ими округлый плотный свет моей Мамы. И жабры есть: ими я вдыхаю Маму.

А рот-то у меня какой! Я им пожираю всё на своём пути. Жру, жру без конца! Всё живое мчится прочь от меня, но я настигаю и...

– Что с тобой! Что ты злишься!? Что я тебе плохого?..

– Нет, нет, прости!.. Я какая-то ненормальная стала! Сама не знаю, что говорю! Прости, милый!..

Мчится... Жабры...

Что-то в памяти было, но накатилась волна и смысла, как след на мокром песке. Ещё волна, и ещё – и вот всё чисто и гладко во мне.

А след-то где? Хочу оставлять следы! Я для этого рождён.

Это когда-то давно я думал, что плаваю. И жабры... не помню, что это такое... Но теперь-то я умею думать и чувствовать. Я всё знаю о жизни: вон какая у меня огромная головища для этого! Я знаю, что руки и ноги мои созданы для тверди. А хвост ничуть не мешает...

А разве он был, этот хвост? Не помню. Зачем он мне, если есть руки и ноги. Хочу оставлять следы! Хочу!

Где-то близко твердь, совсем близко,, Сейчас, сейчас коснусь!.. Ещё немного!... Есть!

– О!..

– Что ты?

– Не знаю!.. Это Он, наверно!.. Он шевельнулся...

– Уже? Не может быть!..

– О!.. Это Он!..

Прекрасен и велик мой мир! Он мой! Он создан для меня. Я был в нём всегда и буду всегда. Я и Мама! Мама и я!

Мне хорошо, когда её голос весел, когда ей нигде не больно и легко дышится.

Мне плохо, когда она устаёт и жадно ловит ртом воздух, а сердце её выбивает гневную дробь. И я мечусь, мечусь, не

ведая, что делать!

А если рядом Папа, то я счастлив, потому что счастлива Мама. Льётся, льётся в меня потоком её любовь по длинному канатику, который начинается у меня в животе и уходит куда-то в вечность. И я расту...

И хочу пищи. И побольше. Я знаю, какая это хорошая штука. Она приходит с бульканьем и журчаньем откуда-то из вечности, и Мама тут же начинает её готовить для меня. Вся твердь вокруг наполняется аппетитными звуками, приходит в движение. И я тоже в предвкушении трапезы кручусь, приплясываю, дёргаю свой канатик: скорей, скорей!

И вот кушать подано. Какой сытый вкусный покой наполняет моё тело. Засыпаю в блаженстве!

– Такой жор на меня напал, ужас! Всё время есть хочу!

– Ну и ешь на здоровье!

– Нельзя! Врач ругается! В весе много прибавляю. А как хочется!..

Фу-у-у! Теснотища! Удивительно нелепый мир! Не вернуться в нём с моими способностями!

Вечные запреты и ограничения. Зачем ты мне их выдумала? Как ты вообще собираешься решать мои проблемы в этой тесноте? Удивительное легкомыслие!

И сколько можно на меня давить?!

Как загрузит свой желудок и твёрдым, и жидким, как пой-

дёт вокруг и треск, и гром, и урчание – не знаешь, как повернуться, не то что сосредоточиться на моих мыслях. Никаких условий для развития!

Ну вот опять! Кончай, говорю! Я вовсе не нуждаюсь в твоей пище! Сам добуду, какую захочу.

Слышишь? Прекрати на меня давить, а то как двину ногой!

– Ух ты! Как запрыгал! Футболист! Весь в меня! Тебе не больно?

– Немножко... Приятно... Радостно... Маленький мой...

Сколько можно терпеть это унижение! Почему я должен зависеть от чьей-то призрачной воли? Кто вообще дал ей право носить меня в себе? Она меня спросила? А может, это я её в себе ношу! Хорошая мысль! Почему бы и нет. Я – венец природы. Ничего не вижу вокруг совершеннее себя!

Только эта дурацкая пуповина... Как она меня унижает! Какая мука! Стоит только мне собрать силы для последнего и решительного боя, она опять отравляет меня своей любовью, всякой сладкой благодатью! Опиум для народа – вот что это такое! Я противен сам себе!

Нет, это больше нельзя терпеть! Оторвать её от себя – и быть навсегда свободным от... кого... Ни от кого! Нет там ничего, кроме природных катаклизмов! Есть только Я! Это звучит гордо!

Да рвись же ты, наконец!..

– Скорая? Тут у нас роды!.. Первые... срочные... беременность первая... Диктую адрес!..

Мама! Сжался, не прогоняй меня!

Помилуй, я же твой! Вся жизнь моя в Тебе!

Что делать мне теперь? Прости, смилуйся надо мной!

Я ведь ещё так мал, слаб и глуп. Лишь чуть-чуть умнее стал я, ибо осознал глупость свою...

Больно!.. Страшно!.. Гибну!..

Ма-а-а-м-а-я-я-я-я-я!..

– Ну вот, какой славный пацанчик родился! Крикун, голосишко хороший – в депутаты пойдёт! Смотри, мамочка, на сына!

– Это... он?.. Маленький мой!.. Здравствуй!..

Красное яблоко

Яблоко лежало у неё в ладонях и будто светилось изнутри. Она смотрела на него задумчиво и как-то печально. Потом нерешительно улыбнулась и, закрыв глаза, откусила...

Он носил это яблоко весь день в рюкзаке. А рюкзак с собой. Везде. Потому что подходящий случай мог выпасть каждую минуту.

Два дня назад Он забрал с почты посылку от краснодарской бабушки. Коробку пришлось взвалить на плечи. Он не подумал, что она окажется такая большая и тяжёлая.

Дома мама вскрыла коробку, и по комнате понёсся такой аромат, что хоть ложкой его кушай да чаем запивай!

Яблоки лежали в коробке не как попало, а аккуратными рядками. Каждое в тряпочку запелёнуто, чтобы не побились в дороге.

И все как на подбор красные. Отбирала бабуля для любимого внука.

Он хорошо помнил в бабулином саду эту яблоню, которая давала такие красные яблоки. Когда Он был маленький, ему казалось, что эти красные яблоки у неё в стволе просвечивают.

Он взял в руки одно, взял другое.

– Осторожнее, – заворчала мама. – Не хватайся так.

Съешь сперва одно.

А Он и не ел. Он вынашивал хорошую идею.

И потому надо было выбрать подходящее яблоко. Вот такое! Самое крупное, самое тёмное, даже чуть с лиловой тенью. И как будто из камня выточенное, такое блестящее и идеально ровное. Даже странно в руке держать, кажется, что должно быть тяжёлым и холодным. Нет! Живое!

И Она сразу поймёт! И если возьмёт – то да... А если нет – то...

Долго не мог пристроить яблоко. Ему хотелось положить его в нагрудный карман, чтобы у сердца. Но куртка оттопырилась совершенно неприличным образом.

А если в карман брюк? Вообще жуть! Вот большое какое! Куда его?

Значит, в рюкзак.

Он долго искал по всей квартире красивый подарочный пакетик. Но всё, что попадалось под руку, было какое-то пошлое. Оно оскорбляло его вкус и то высокое чувство, которое Он к Ней питал.

Помаявшись, Он остановил свой выбор на простом полиэтиленовом мешочке, решив, что аккуратно освободит яблоко прямо в рюкзаке и протянет на ладони.

Весь день Он ходил за ней следом все перемены. И всё никак не мог улучшить момент. Она то бежала куда-то с подружками, то стояла в посреди толпы и громко смеялась. Иногда Она взглядывала куда-то поверх Его головы и равнодушно

отворачивалась.

И Он знал почему! Потому что Он мелкий. Одного роста с Ней. А должен быть выше хотя бы на полголовы, чтобы смотреть сверху. И плечи должны быть раза в два шире. И вообще надо бы уже усам расти. А то стыд! Голос уже взрослый, Он нарочно басил, как мог, – а рост как у младенца. Смешно на такого смотреть.

Но Он упорно шёл за ней следом, и плечо его приятно давила ляпка рюкзака, где пряталось яблоко.

Закончился последний урок. Он торопливо пихал в рюкзак учебник и тетрадь. Вдруг через плечо сунул нос вредный одноклассник, как раз такой, как надо: с ростом, и с плечами, и с усами.

– Это чего у тебя? Яблоко такое? Ничччо себе! С целую голову! Дай кусить!

– Не дам. Отвали, – сквозь зубы промычал Он.

– Прям всё сам и сожрёшь? Э-эх! – И вредный одноклассник, обидно щёлкнув Его по затылку, побрёл своей дорогой. Но чёрное дело было сделано. Со всех сторон полезли любопытные носы – посмотреть на такое яблоко с голову величиной.

Он растолкал всех, выскочил в коридор и запнулся. Она стояла у окна и озабоченно рылась в сумке.

Одноклассники проходили мимо, а Она всё рылась и рылась. И никак не могла что-то там найти.

Он сделал шаг. Ещё шаг.

Сунул руку в рюкзак.

Если теперь его на ладони дать, то опять толпа сбежится. Правда, все уже разошлись. Но вдруг.

Он встал рядом у окна. Она покосилась на него и ещё глубже зарылась в сумку.

Тогда резким движением Он выдернул яблоко из рюкзака, как меч из ножен. И сунул Ей прямо в руки.

– Тебе. Ешь. Вкусное...

Она вздрогнула и стала багровой, как яблоко.

Оба замерли. И смотрели оба на яблоко, боясь встретиться глазами.

– Ешь... ну пожалуйста... ешь.

Он так боялся, что сейчас кто-то увидит это яблоко в Её руках. Пусть бы Она его съела скорее. Съест или не съест?

Она перевела дыхание, нерешительно улыбнулась и, зачем-то закрыв глаза, откусила.

Ей хотелось кричать от боли. Едва успокоившийся больной зуб проснулся и злобно резал и выкручивал её челюсть. Но Она отважно жевала, с мучительной радостью наступая на больной нерв, и снова кусала, не поднимая глаз, потому что они слезились от страдания.

А дожевав, застенчиво зажала в кулаке огрызок и подняла глаза:

– Спасибо... вкусное очень!

Муки графомана

Пьеса в одном-единственном акте.

Действующие лица:

Левое полушарие

Правое полушарие

Голоса мужчины и женщины, звук поцелуя. Затем щёлкает замок запираемой двери.

Правое полушарие витает в розовых облаках. Левое полушарие спит, причмокивая и постанывая.

Правое: Левое!.. Левое!.. Да проснись же! Как можно спать!.. О, как она прекрасна!.. О, сколько счастливых минут!.. О, сколько!.. О!.. О!.. Где слова? Где мои слова? Левое, проснись! Мне слова нужны!

Левое: А-а?.. Да-а?.. Не-е, я уже не-е-е... Хр-р-р... Что?.. Да не сплю я!

Правое: Как можно спать, когда столько счастья!..

Левое: (позёвывая) Счастья-то? А-а, ну да, я всегда на этом месте засыпаю. Вечно всё счастье без меня... Да ладно, чего уж там...

Правое: Бумагу, бумагу! Записывай! Это будут гениальные строки! Это будет шедевр!.. Это о ней! Ей посвящаю!..

Левое: Глаза, слушай мою команду! Ищем бумагу! Ага, вот тут старая квитанция, на обороте написать можно! Ру-

ка правая! Слушай мою команду! Ручку взять! Писать стих
приготовься! (Правому полушарию) Ну, что пишем?

Правое: Слова!.. Слова мне!.. О ней!.. О её прекрасном
лице!.. Об этом волшебном утре после сказочной ночи!.. Об
этих высотах!.. широтах!.. глубинах!..

Левое: (деловито) Она. Утро. Лицо.

Правое: О, сколько счастья!..

Левое: (деловито) Счастье. Сколько там у нас счастья?

Правое: Слова, слова мне давай, Левое!.. Не тормози!..

Левое: Уточняю детали! Счастья сколько? Лицо какое?

Правое: О-о-о!.. О-о-о!..

Левое: Огромное?

Правое (в ужасе): Не-е-ет!!! Зачеркни сейчас же огром-
ное! Оно прекрасное! Прекрасное лицо!

Левое: Да! Поправка принята. Включая подбор рифм.
Нецензурных не надо?

Правое: Не надо!

Левое: Ставлю фильтр по нецензурной лексике! Секун-
дочку! Выдаю результат: лицо прекрасное – ясное, ужасное,
опасное, грязное, несчастное...

Правое: Остановись!.. Нет!.. Ясное! Только ясное!

Левое: Фиксируем ясное! Что у нас ясное? По рейтингу
популярности – солнце самое ясное.

Правое: Да, это солнце ясное!..

Левое: Солнца не видно. Дома заслоняют.

Правое: При чём тут дома? Она, она моё солнце!

Левое (озадаченно): А у кого тогда лицо прекрасное?

Правое: (гневно): Ты меня не сбивай! Она, она, всё она – и ясная, и прекрасная!

Левое: (ворчливо): А ты меня не запутывай! Солнце – это не она, а оно! А лицо прекрасное у неё! А ясное тогда что? Что ещё ясное бывает? Включаю просмотр рейтинга популярности: утро ясное на втором месте.

Правое: Да-а-а!.. Утро!.. Ясное!.. Мы с ней проснулись и встретили это ясное утро!..

Левое: Фиксирую. С тобою утро встретил ясное.

Правое: Да-а-а!.. Я смотрел на её прекрасное лицо!..

Левое: Фиксирую. Смотрел на лицо твоё прекрасное. Во! Две строки уже есть! Рифмовать как будем? Попарно? Перекрёстно?

Правое: Ах, какая разница!.. Какое мне дело!.. Пусть этот день будет для неё самым счастливым!.. Я так желаю этого!..

Левое: Фиксирую. Пожелал тебе счастливого дня.

Правое: Плохо! Вяло! Серо!

Левое: (в сторону) Ну вот, начинается... (правому) Тогда счастливейшего дня пишем? Так поярче? Пожелал тебе счастливейшего дня.

Правое (тихо погружаясь в дремоту): Плохо!.. Вяло!.. Серо!..

Левое (радостно потирая... извилины): Ну слава Богу, уgomонился. Сейчас мы это быстренько! Обойдёмся без советчиков! Счастливейшего дня. Включаю подбор рифм: дня

– коня, пня, ремня, меня... Пня – убираем. Мы в городе, пней нет. Коня – по той же причине. Ремня?.. Меня?.. Меня или ремня? «Меня» короче на одну букву! И что она такое «меня»? Схватила меня? Побила меня? Простила меня? Отпустила меня? М-да! Правое, что выбираем-то?.. Спит!.. Ладно, разберёмся!..

Правое (сквозь сон): О счастье!.. Счастье!..

Левое: А-а-а! Ну да, счастье же! Счастье схватило меня!.. Нет!.. По рейтингу популярности – охватило! Счастье охватило меня! Ну-ка, что получилось?

С тобою утро встретил ясное
И пожелал тебе счастливейшего дня!
Любуюсь на лицо твоё прекрасное,
И счастье охватило вдруг меня!

Правое: (сквозь сон) Безграмотно!.. Бездарно!.. Пошло!..

Левое (баюкая): А ты спи себе, спи!..

Неведомый путь

1

Я пробудился от сна или смерти? Кто скажет мне?

Некому – я одинок.

Надо мной тёмная высь.

Подо мной тёмная твердь.

Вокруг тёмная пустыня.

Вглядываюсь, вслушиваюсь, внимаю миру, в котором мне жить.

Много ли времени прошло, мало ли времени прошло – кто считал его в этом пустом мире? – когда понял я, что высь надо мной не темна, а выстлана звёздами, и с каждой минутой они всё ярче.

И вот уж твердь подо мной озарилась их зыбким светом. Неровными изломами замерцал мелкий гравий и песок. А где-то рядом послышался мне плеск воды. Ручей?

Поворачиваюсь на плеск, потому что захотелось вдруг чистой воды.

Да, он недалеко, он искрится меж камней. Тянусь к нему, но рук и ног моих я не вижу и не ощущаю, будто нет их.

А должны ли они быть? Пытаюсь разглядеть себя, но вижу только тёмную бесформенную массу, растёкшуюся по мел-

ким камушкам.

И тогда я приказываю себе: вперёд! И тёмная масса начинает неощутимо для меня двигаться. Меня даже радует эта простота моего существования. Я делаю усилия и перетекаю пядь за пядью туда, где мерцает вода в свете звёзд.

Ещё бросок, ещё движение – и вот я погружаюсь в воду и начинаю жадно пить.

Ага, губы-то есть у меня, и рот есть, и глотка! Упругие холодные шарики спускаются по пищеводу в желудок. И тогда руки мои просыпаются! Я, оказывается, опираюсь ими о каменистое дно ручья, а они слушаются и держат мой вес. Я уже смутно вижу их в переливах воды. Её холод прокатывается по всему телу, и ноги в ответ вздрагивают – они тоже есть!

Последний глоток – и я выпрямляюсь, встаю на ноги, встряхиваю застывшими в холодном ручье руками.

В тёмном мире что-то произошло, пока я оживал в ледяной воде. Во тьме появилась едва заметная полоса горизонта, поверх неё расползается по небу лиловый поток. Мир наполнился звуками, и они всё ярче и отчетливее: лёгкий звон, тихий гул, мягкий шорох.

Но вот что-то тёмное явилось в небе ниоткуда, заслоняя собой звёзды, закрывая горизонт. Нарастает гул и всплески – как мокрые простыни на верёвке, как паруса в бурном море, как знамя над летящим в бой всадником.

Я только успеваю подумать: руки-ноги появились, а когда

же страх-то у меня появится? Нет ни страха, ни простого любопытства – в своём одиночестве я заперт надёжно, нет дороги туда ни другу, ни врагу.

Порыв ветра свалил меня на землю. Мелкие камушки впились в голые колени, и я с удивлением спросил себя: что это, зачем это?

Прямо передо мной в свете утреннего горизонта возникли огромные львиные лапы, опустились, вмялись в жалобно заскрипевший песок. Мощное туловище выросло передо мной стеною, а сверху навис тяжёлый загнутый клюв. Великан склонил голову набок, по-птичьи. Огромный выпуклый глаз сверкнул на меня угольным блеском.

– Ещё один вылупился, – донёсся сверху глуховатый низкий его голос. – Приветствую тебя, Половина!

Мне было так удивительно и радостно слышать его речь, что я выпалил все сразу возникшие у меня вопросы:

– Ты кто? А где я? И откуда ты? Почему я Половина? Я половина чего?

– Я – Грифон, – величественно раздалось сверху, – а ты – Половина. Ты одинок?

– Да... – растерянно отозвался я, и от жалости к себе защипало в горле.

– Целостное творение не бывает одиноко – оно заполнено. Одинок – значит, пуст наполовину.

– Понял, – обрадовался я своей смыслённости. – А почему я здесь? И почему ты здесь?

– Я здесь, потому что это гнездо моё. Вечно подбрасывают мне тех, кому пора вылупиться, – голос Грифона был насмешлив, но добродушен. – А ты здесь, потому что захотел себя наполнить. Но можешь и обратно вернуться, – как будто ледяной ветер прошумел в голосе Грифона, – в любой момент можешь. Скажешь себе: назад – и повернёшься к своему Пути спиной. Вот и вся премудрость.

– Я не хочу спиной... Мой Путь начинается здесь? Он уже начался?

– Первый шаг сделать помогу. Дальше – сам!

Огромная голова склонилась ко мне. В свете розовеющего горизонта перья переливались металлическим блеском. В гладкий выпуклый глаз заглянул я, как в зеркало: жалконький, взъерошенный, ещё бы, только что вылупился. Лицо наполовину в тени, глазик круглый, ротик приоткрыт. Похожи на себя? Можно подумать, я помню, каким был.

Загнутый крюком клюв раскрылся, сильно, но не больно сдавил моё тело с боков и поднял. Изогнувшись, Грифон аккуратно опустил меня на свою плотную тёплую спину. С двух сторон громоздились огромные крылья с твёрдыми блестящими перьями. Я почувствовал себя младенцем в кроватке.

– Удобно сел?

– Ага, удобно.

– Заройся в перья на моей шее и держись.

– А если упаду?

– Значит, не твой был этот Путь. Смотри вперёд – там

сейчас загорится Свеча. И Путь твой начнётся.

Горизонт уже не светил, а вспыхивал яркими пятнами. В его свете ясно видел я каменистую пустыню, разглядел и ручеёк, текущий из одной бесконечной дали в другую бесконечную даль. Пустыня розовела с каждой секундой, будто раскаляясь изнутри.

– Ты видишь? Смотри, малыш!

Над горизонтом зажглась ослепительная искра, потянулся от неё пламенный язычок.

Вот плеснуло – и полилось!

И увидел я рядом родные глаза, и согрела ладонь мою родная рука, застучало рядом сердце в такт с моим. И тогда наполнился я до краёв!

– Увидел, малыш? Всё увидел? Молодец, мой птенчик! А теперь в путь.

И поднялись шатром надо мною могучие крылья.

Без сил, почти без сознания опустился я на землю. Над головой моей гулко захлопали крылья: «Прощай, малыш!» – донёсся низкий голос и растаял в светлом небе.

Прикрыл я глаза и сидел долго-долго, не чувствуя ни рук, ни ног, как в миг своего рождения. Так велико было моё напряжение, так держался я из последних сил за жёсткие, колючие перья Грифона, так вжимался я ногами в малейшие неровности на шкуре его, что совершенно обессилел.

И как-то незаметно задремал.

Разбудило меня новое ощущение тепла и покоя в ногах и правой руке. Особенно тепло было руке, тепло и щекотно. Что-то живое дышало теплом под нею.

Потихоньку возвращаясь из сна, я удивился: а что ж я не вижу ничего? Темно? Да нет, я просто забыл раскрыть глаза и сижу, как слепой. Глаза, раскройте!

Огромный пёс у моих ног вопросительно заглядывал мне в глаза, высунув от усердия розовый язык. Славный большой белый пёс с бурыми пятнами и густой тёплой шерстью. Правая рука моя лежала на его лохматой голове, и чуткие уши щекотали ладонь.

– Просыпайся, что ли! Здоров ты спать, щеняра! Глазёнки прорезались – так ты смотри на мир, впустую ими не хлопай! – добродушно проворчал пёс. Он, кажется, засиделся,

сторожа мой сон, и ему не терпелось размяться.

Выскользнув из-под тяжёлой моей руки, он встряхнулся и исчез из виду. Окончательно придя в себя, я обвёл взглядом мир. Оказалось, что я удобно сижу на старом замшелом пне, а спина моя опирается о широкий ствол дерева. Густая листва с низко склонённых ветвей защищает меня от солнца, уже поднявшегося высоко над горизонтом. Вокруг луга, белые от кашки, далёкие холмы и деревья с раскидистыми кронами. Кажется, так в разных миссионерских книжечках изображаются райские кущи. По этим кущам уже деловито носился мой Пёс, аккуратно пометая каждое дерево. Закончив обход, он потрусил ко мне, приветливо помахивая хвостом.

– Эй! – гавкнул. – Вставай! Вставай! Пора!

– Куда?

– Провожу. Я всех провожаю. Глаз да глаз за вами, щенятами.

И пошли мы по цветущему душистому клеверу, как по облакам.

Пёс то отбегал, то подбегал, клал зубами, ловя какую-то живность в воздухе. Без конца общался с кем-то или чем-то рядом со мной, будто по мобильнику:

– Да, скоро, скоро! Щеняру доведу, прослежу, чтобы всё как надо... Сама знаешь, как бывает... А там встретимся в наших кустах... Рад видеть, как здоровье?... Чего под лапу лезешь?! Нечего ныть! Подумаешь, наступили на него!.. Я

те покусаясь! – и тут же, оборачиваясь всем туловищем ко мне: – Осторожно, тут осиное гнездо, стороной обойди.

Так по белому клеверу вышли мы на узкую тропинку. Через десяток шагов она влилась в дорожку, незаметную в густых травах. Дорожка постепенно пошла в гору, невесть как выросшую впереди. Со всех сторон, как в реку, вливались в дорожку тропинки, наполнялась она ими, ширилась и росла, и всё круче уходила к небу.

Наконец, стало ясно, что где-то близко вершина. Ещё несколько шагов...

Мой спутник стал серьёзным, замолчал, пошёл рядом ного в ногу, изредка вопросительно вскидывая голову, чтобы поймать мой взгляд.

Дальше крутой скалистый подъём, совсем невысокий, и острая вершина, на которой может уместиться только один. Вокруг пусто, дали теряются в жарком мареве, перетекают незаметно в бездонное небо с одиноким беспощадным солнцем. А вот на горизонте быстро поднимается облако странной формы и цвета. В воздухе ни ветерка, а оно растёт на глазах. Чудно!

Пёс очень серьёзен:

– Слушай меня. Сейчас поднимешься на вершину и поставишь лапы... как их там у тебя, ладони. Главное – не суетись. Вы все, щеняры, любите блох гонять! Так вот, не лови ничего! Все само придёт, что тебе предназначено. А то как примутся ловить что попало! Мусору нагребут – и рады. По-

нял? Лапы кверху! Я тут намедни одного еле вытащил. До того наловился, что кулаки разжать не смог. А что поймал!.. Эх!..

Я слушал внимательно и пытался понять, что меня ожидает. А в мире всё менялось: свет тускнел, спустились внезапные сумерки. Туча... нет, не туча, а огромная воронка над моей головой, а в её глубине тьма и яркие вспышки.

– Всё, лезь давай! Встанешь ровно и лапы кверху! И стой, что бы ни случилось! Пошёл!

Он лизнул мне руку на прощание и подтолкнул носом к крутому подъёму.

Первые шаги дались непросто. Удивленные мышцы засопровтивлялись и заболели. А потом вдруг поняли, что от них требуется, и я быстро двинулся вперёд, цепляясь руками и отталкиваясь от надёжных опор.

Из воронки над моей головой слышался гул и отдалённый грохот. Чёрная тьма в ней светлела, разгораясь голубым пламенем, лучилась яркими сполохами.

Последний толчок, последний рывок – и я выпрямился в ярком луче, льющемся из воронки. Больше ничего не видел я вокруг, кроме слепящего света. И поднял я руки к нему навстречу, раскрыв ладони.

И обмер, не чуя ни рук, ни ног.

Мимо моих раскрытых ладоней запорхали денежные знаки всех стран мира, горохом посыпались блестящие разноцветные камушки и золотые побрякушки, гулко хлопалась

и катилась по склону под моими ногами бытовая техника и мебель от ведущих дизайнеров. Пролетали некие существа в одеждах и без одежд. Гремели обрывки мелодий. Носились вьюгой идеи, образы, очень умные мысли. Возникали и исчезали тексты с круглыми печатями и без круглых печатей.

Раза два руки мои непроизвольно дёрнулись. Один раз мимо меня пронёсся, как пушечное ядро, открытый бочонок с чёрной икрой. Да, грешен, люблю я её, чёрную икру!.. Знать бы ещё, что это такое!..

А второй раз, когда некая красавица в совершенно прозрачной тряпице на бёдрах сделала возле меня пару кругов. Но я гордо отвернулся от неё и ещё выше поднял ладони к небу.

А оно светлело. Воронка теряла чёткие очертания, становилась всё бледнее и вдруг полилась розовым дождиком мне в руки. Я сомкнул ладони лодочкой, и горячая влага тут же их наполнила, застыв живым трепещущим комочком.

Это было сердце! Оно весело билось в руках у меня и радовалось своему рождению! А я слышал и понимал его. «Люблю, люблю, люблю!» – смеялось сердце в моих руках. «Люблю, люблю, люблю!» – кричало ему моё собственное. И вот сердечко в моих ладонях начало таять и исчезать в моих пальцах. Они порозовели, горячая пульсирующая волна покатилась по запястьям, поднялась двумя потоками к плечам, собралась в единый бьющийся комок в яремной ямке и скользнула вниз, к сердцу.

Наполнилось сердце моё – и засмеялся я от радости!

Сердца-сердечки мои! Что ж так дрожите? Ведь это всего лишь ночной ветерок шевелит ветви. Ведь это всего лишь лунный свет лёг так причудливо на толстый обломанный сук над моей головой! И лишь светлячки, два зелёных светлячка. Их много вокруг, а эти самые яркие!

Не сомкнуть мне глаз. Беспокойная вещь – сердце! А надо бы заснуть, сил уже нет. Едва родившись, судорожно цеплялся за перья Грифона, долго шёл по райским кущам, чтобы поймать в ладони Великий Дар.

И что теперь делать мне с этим Даром, если я двинуться от страха не могу?

Кто ты, сидящий там, в листве, над головой моей? Почему так зло горят твои глаза?

Я медленно перевёл дыхание и спросил тонким дрожащим голосом:

– Кто здесь?

Короткий хриплый смех и молниеносное движение пятнистой лапы с мощными когтями прямо перед моим лицом! Я с криком прижимаюсь к земле. И тут же сверху обрушивается на меня – горячий, тяжёлый, пятнистый!..

И я перестаю быть в этом мире, где всё такое чужое и злое! И просыпаюсь в мире совсем ином...

В этом мире светло и солнечно! Кожистое ложе подо мной

колеблется, ласково меня баюкая. Сверху меня прикрывают огромные зелёные листья. Низкий трубный голос прямо из глубин моего ложа гудит:

– А вот как на хвост тебе сейчас наступлю! Что ты мне на это скажешь, воспитатель зубастый!

– Ну-ну! Наступил один такой, – лениво мурлычет другой голос где-то внизу.

Я поднимаю голову. Моё ложе высоко над землёй. Увидеть её мне мешает огромное, багрово просвечивающее на солнце... слоновье ухо!

Огромный слон, на шее которого я спал под листьями, почувствовал моё пробуждение:

– Малышок! Проснулся? Ну-ка, посмотрю.

Ко мне снизу поднялся хобот толще меня самого. Очень тёплый, солнышком нагретый, на свету жемчужно-серебристый, в тени тёмно-синий, он ловко подхватил меня под колени и опустил ниже. Теперь прямо на меня смотрел ласковый, утонувший в синеватых складках слоновий глаз. И так-то весело он прищурился и подмигнул, что я засмеялся и потянулся к огромной голове обеими руками. Распластался по теплой жёсткой щеке, пробормотал: «Слоник мой...»

Слон ласково вздохнул. Струя воздуха прокатилась по хоботу, твёрдым валиком прошла по моей спине и пояснице. Пару раз качнув, Слон бережно опустил меня на землю. Кто-то насмешливо фыркнул за моей спиной. Я обернулся.

Огромный леопард лежал в пяти шагах от меня и лениво

лизал лапу. Чуть оторвавшись, с лапой на весу, прищурился на меня и вернулся к прерванному занятию.

Сейчас в ярком свете, да ещё рядом с моим Слоником, он ничуть не был страшен. Просто очень большая, гладкая кошка в красивых пятнах по всей шкуре.

– Ну что, малыш, больше его не испугаешься? Он с тобой всего лишь поиграл ночью, – прогудел мой Слон.

– Поигра-а-ал? Повоспи-и-итыва-ал! – мяукнул Леопард и опустил, наконец, свою лапу.

Теперь лежал он в гордой позе сфинкса. Зелёные глаза жмурились лукаво и благодушно.

– Котя-ат надо воспитывать, чтобы не выросли из них слоня-ята.

Потянулся всем телом, пятна на шкуре загорелись на солнце тёмным янтарём. Я совсем осмелел и, выскользнув из надёжного слоновьего хобота, подошёл к леопарду и присел рядом в траву, чтобы спросить, как надо воспитывать котят. Рука моя так сама и потянулась к янтарным пятнам.

Стремительно изогнувшись, Леопард вдруг цапнул меня за локоть, крепко, но не больно зажав его в клыках. Я ойкнул и дернулся – стало больнее. Но глаза Леопарда косили на меня не зло, а насмешливо.

– Не спеши, не суетись! – протрубил позади меня Слон.

– Не асс-сказы-ай! – зашипел Леопард.

– Как же учить, если не подсказывать? – недовольно бурчал Слон, переступая тяжёлыми ногами.

Мне стало интересно. Заглянув в пасть и рассмотрев в подробностях зажавшие мой локоть загнутые клыки, я попробовал повернуть руку. Пасть тут же сжалась сильнее, всё же не причиняя особой боли, а глаз сверкнул ещё лукавее. И вдруг метнулся вбок за лёгкой тенью пролетающей бабочки. Я почувствовал, как замок клыков на мгновение ослабил хватку. И опять его лукавый глаз косил на меня: «Будь хитрым, будь умным – и победишь!»

Ага! Пусть бы ещё взглянул в сторону! Как бы отвлечь его? На что бы переключить его цепкий взгляд? Краем глаза Леопард следил за каждым моим движением – и видел всё!

А что я могу видеть краем глаза? Спину с пятнами тёмно-янтаря. Дальше ясное небо и зелёный простор. И ещё что-то движется неторопливо, возникая в поле зрения и опять исчезая. И иногда касается моей спины и ног. Так это леопардов хвост!

Так, теперь собраться и правильно рассчитать время. Я напрягся. Глаз Леопарда тут же скопился на меня ещё внимательнее. Прочитал мои мысли? Не дам читать! Я думаю о своём локте и о твоих клыках – и всё, слышишь?

Хвост мелькнул энергичнее и коснулся моего бока.

И тогда я, вывернув назад свободную руку, почти схватил его. И победил! Леопард вздрогнул, разжал челюсти и развернулся, как пружина. А я на четвереньках метнулся к Слону под защиту длинного хобота.

Леопард оскалил пасть и рыкнул мне вслед, потом задум-

чиво лизнул хвост:

– А он не безнадёжен! – протянул благодушно.

– Наигрался?! – сердито гукнул мой Слон. Он был очень встревожен.

– Ничего ты в воспитании не понимаешь! Тебе только бы кого на спине поносить! – Леопард повернулся на бок, открыв светлое плотное брюхо. – Сам на своих тумбах смотришь сверху – и никто тебя не тронет. А ему, малышу, не за хобот твой надо держаться, а жить в этом мире. А то ведь Путь ему на твоём хоботе не пройти.

– Так ты ему объясни, научи! Вон он какой у нас понятливый! – возмущённо трубил мой Слон. – А тебе бы всё зубами!

– Ах, какой он у нас понятливый! – весело оскалился Леопард. – Не расслаживайся, понятливый, солнце уж высоко! А Путь впереди дальний!

Слоновий хобот бережно приласкал мои плечи:

– Иди, малыш, он прав. Этот Путь ты не пройдёшь на моей спине. Расти, малыш, сильным! И прощай!

Я обнял его хобот изо всех сил:

– Слоник мой!..

Хобот подхватил меня под коленки, слегка покачал на весу, бережно сжал и опустил на землю. Слон медленно повернулся и пошёл прочь, покачивая головой. Тёмно-синий, с багрово просвечивающими на солнце ушами.

– Пора, котёнок, в дорогу! – ласково мурлыкнул мне Лео-

пард. Он, похоже, был растроган. Подошёл ко мне и лизнул руку горячим шершавым языком, заглянул в глаза:

– Готов? Теперь делай как я! Сожмись в комок! Чувствуешь, как распирает тебя твоя сила? Наполнись ею до кончика хвоста! Эх, бесхвостый! До каждого коготка! Ещё ту-же! Ещё! Пусть откликнется тебе каждая шерстинка на твоей шкуре и скажет: пора!

А теперь – рывок! И вперёд! И нет преград тебе!

После вчерашнего безумного бега я не помню, где свалил меня сон. Забыл, в какой момент перестал чувствовать землю и траву под ногами, – всё камни и камни, всё круче и круче. И не остановиться было, не передохнуть – нигде! Но кажется, нашёл какую-то глубокую щель среди камней.

И всё – дальше сон!

Открыл я глаза в слабом неверном свете. Где-то рядом гулко, мерно падали капли в невидимую емкость.

«Пить, пить хочу», – подумал я. Приподнявшись, огляделся в поисках воды. Густой мох устилал уголок, в котором я лежал. Моё тело оставило в нём тёмную вмятину.

Похоже, мох хорошо согревал меня всю ночь, потому что, поднявшись, я сразу задрожал от холода, даже зубы застучали. Сделав несколько шагов на четвереньках, я вылез из своего закутка за угол и тут же увидел перед собой углубление, переполненное водой. Тонкие ниточки ручейков сочились из него по мху и исчезали в нём. Сверху, из темноты, мерно срывались вниз чистые капли.

Я припал к маленькому, с тарелку величиной, озерцу и, захлебываясь от жадности, сделал несколько глотков. Вода была очень вкусная, совершенно ледяная, но, как ни странно, я тут же согрелся.

Свет шёл из-за поворота, скудный, неясный, но мои глаза

уже различали влажный мох под ногами, на стенах и над головой низко-низко. А почему так низко?

Как вообще меня вчера сюда занесло? Я ведь не помню, чтобы двигался по узким низким коридорам в тот тёмный уголок, где уснул. Странно, я даже выпрямиться здесь во весь рост не могу. Как же я двигался, ползком? И неизбежно ткнулся бы носом в это озерцо с водой. Ничего такого в памяти нет.

Устав думать о таких непонятных вещах, я двинулся на корточках, на четвереньках, к свету. Вот он, выход, за поворотом!

И я обомлел. За эту ночь мир исчез.

Перед глазами был снежный сугроб, почти заваливший вход в моё убежище. За моей спиной тьма пещеры, перед глазами белизна снега, а дальше всё исчезло в густом тумане.

Держась за стену, я сделал шаг в снег. Нога ушла в него почти по колено. Я разгрёб сугроб, утоптал площадку – а дальше? Вгляделся в дымку перед собой и в ужасе понял, что дальше нет и снега. Там просто пусто – обрыв, бездна. Голова моя закружилась, в ушах зазвенело, и я с размаху сел, больно ударившись спиной о стену моего убежища.

И куда двигаться? Где же здесь Путь? И где Тот, Кто Подскажет Дорогу? В этом мире всегда у меня был кто-то рядом.

Дрожь прошла по телу. Ногам моим, обутом в тёмно-синие высокие сапоги с широкими подошвами, было тепло. Но снег набился под чёрную куртку с жёлто-коричневыми пят-

нами и обжигал холодом спину.

Кто-то фыркнул рядом со мной. Я радостно вскинул голову, но лишь туман вокруг.

– Кто? Кто это? – мой вскрик будто в мягкой вате утонул. Тишина. Вдруг колыхнулся туман – почудилось в нём лёгкое движение. Промелькнуло и исчезло.

И опять фыркнул кто-то невидимый – уже с другой стороны. Повернув на звук голову, я увидел перед собой на снегу отчётливый след большой когтистой лапы. И ещё след. И ещё. Следы удалялись от меня и терялись во мгле.

Если мой невидимка здесь прошёл, значит, пройду и я.

Шаг за шагом я удалялся от моего убежища. Следы поднимали меня всё выше. Я слышал лёгкие прыжки, и комья снега летели на меня сверху. Если я останавливался в нерешительности перед следующим шагом в пустоту, надо мной тут же раздавалось недовольное фыркание, и я торопливо поднимался дальше.

Снег подо мной становился всё плотнее, подъём всё круче. И всё светлее вокруг. Подняв голову, я увидел светлое пятно в тумане – солнце. С каждым моим шагом вверх его контуры всё четче, диск всё ярче.

Неловкое движение, нога скользнула по ледяной корке. Я теряю равновесие и начинаю сползать вниз, в туманную бездну.

Хриплый зов из тумана, неясная тень мелькнула передо мной. Я судорожно вцепляюсь рукой в мягкое, пушистое –

и удерживаюсь. Нога находит надёжную опору. Но мягкое и пушистое тут же тает в руке моей. И я опять поднимаюсь вверх.

Ещё несколько коротких сильных рывков, и я выбираюсь на каменистую равнину. Здесь совсем светло, и Путь виден ясно. Солнце шариком висит на белёсом небосводе – светит и не греет. Туман застилает дали. А там, откуда я поднялся, густое плотное облако лежит в мёртвом покое. Ни звука, ни движения оттуда. Глухая тишина.

Там в тумане остался Тот, по чьим следам я поднялся наверх, за чей мех ухватился и удержался под пропастью. Я махнул ему в туман рукой. Может быть, он видит меня оттуда? Наверно, видит – фыркает мне в ответ, а затем слышен удаляющийся скрип снега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.